

Генезис структур моральной нормативности*

Гусев Д. А.

Постановка проблемы: комплексный характер морали

Определение морали¹ — как с точки зрения выработки или подбора корректной дефиниции, пригодной для содержательного рассуждения, так и с точки зрения буквального прояснения смысла данного феномена, — выступает в какой-то мере непродуктивным занятием². Само понятие «мораль» имеет уже столь значительный объем значений и коннотаций, что не представляется возможным объединить все его возможные измерения в едином концепте, что, однако, требует этика (в особенности теоретическая этика) для поддержания собственного status quo сложившейся дисциплинарности, обладающей полнотой в логическом смысле. В рабочем порядке приходится довольствоваться сугубо операциональными терминами: от нейтрального и абстрактного «феномен» до уточняющих и подчеркивающих коллективный и комплексный характер предмета исследования «система» и «форма организации», и т. п., что, впрочем, никоим образом не раскрывает саму идею, заложенную в морали как термине и одновременно некоторой существенной характеристике человеческого сообщества.

Вполне можно допустить, что моральная нормативность per se является комплексным случаем действия (применения) моральных норм. В самом общем смысле мораль как система поведенческих регулятивов представляет собой некоторое ограниченное количество наборов норм³, которые определяют тип необходимого действия

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ (Проект № 12–33–01296).

¹ Данная статья предлагает общий план исследования моральной нормативности, и ее основная цель – познакомить отечественного читателя с проблематикой философии норм, в особенности в области этики.

² Как остроумно замечают некоторые зарубежные коллеги-этики, уже стало общим местом констатировать, «что общим местом стало определять должное через сущее». См.: Majors B. The Natural and the Normative / Oxford Studies in Metaethics., Ed. by Shafer-Landau R. Vol. 4. 2009. P. 29.

³ Принципиальным моментом, требующим пояснения, является предположение, что нормы (в том числе моральные) представлены в виде на-

и/или реакции морального субъекта (члена конкретного сообщества). Соответственно моральная нормативность может быть определена либо как ситуация, в которой эти наборы норм действуют на субъект, либо как свойство или склонность субъекта эти наборы считать необходимыми для генерации своего действия/реакции. Также зачастую в этике под моральной нормативностью подразумеваются собственно сами наборы норм и их глобальная система.

Следовательно, главный вопрос в отношении моральной нормативности это, по-видимому, вопрос о происхождении наборов норм. Поскольку именно к этим наборам моральный субъект и предъявляет требование обоснования или самообоснования. То есть с точки зрения морального субъекта исключительным свойством моральной нормативности и ее действительного применения должно стать (а) обоснование наборов моральных норм, (б) уточнение их происхождения в качестве собственно норм и (с) адекватность их применения в конкретном контексте.

Нормативность в морали

Феномен моральной нормативности может быть понят в качестве принципиально нового и эффективного способа описания и моделирования морально-нравственной составляющей социальных отношений как набора действий, реализуемых в рамках предложенной системы правил, или, другими словами, — норм. Значимым оказыва-

боров, то есть группируются по различным основаниям: например, существуют нормы временные и постоянные, запрещающие и предписывающие, категорические и условные, конвенциональные и фактические, также для субъекта морального действия, очевидно, всегда существует иерархия норм, связанная с их текущей актуальностью и локальной применимостью. Примеры структурирования универсума норм встречаются, например, у аргентинского философа права и логика Е. Булыгина в статье *Нормативное знание и истина* (1984), где он выделяет два элемента морального нормативного дискурса: (1) так называемые «истории» (то есть все возможные ситуации, в которых агент действия должен принять решение, учитывая наличие тех или иных норм) и (2) «множества историй» (группы историй, которые оказываются оптимальными по отношению к конкретным нормам). В его теории нормы выступают постоянными значениями в горизонте действия, в то время как агент находится в универсуме возможных ситуаций, каждая из которых описывается некоей нормой. Задача агента, таким образом, — установить соответствие между онтологией норм и онтологией своих возможных действий.

ется исследование существующих в этическом поле социума разнообразных нормативных моральных систем и моделей, их структурных элементов и логики их разворачивания и реализации. Построение единой и полной модели нормативности морального *дискурса*¹, а также описание специфики действия такого рода типа нормативности позволит качественно новым образом расширить классическую этическую методологию, основывающуюся на категориях общественной — индивидуальной морали, различении морали и нравственности, диалектике сущего — должного и опирающуюся на аксиологическое понимание моральных структур и их источников.

Для современной теоретической этики нормативность оказывается одним из ключевых концептов, призванных сменить классические формы и способы моральной рефлексии. Устоявшиеся парадигмы аналитики морали и морального сознания² сменяются исследованием морального субъекта (агента), установлением условий его действия и, таким образом, обращением к моральному дискурсу и проблеме моральной нормативности. Логико-аналитическая философская традиция XX в. дала возможность ввести в исследование морали строгую методологию, а науки о человеке позволили связать этику и естественно-научное знание (психология морали, психология поведения, нейропсихология и т. п.), что отразилось в концепте моральной нормативности. Сравнительный анализ различных моделей моральной нормативности и выявление ее специфических характеристик, а также границ и условий действия призваны расширить аналитический потенциал этического знания и ввести в отечественные исследования новый эффективный метод этической рефлексии.

Учитывая, что отечественная этическая традиция не обращалась активно к проблеме нормативности морали именно с точки зрения аналитики норм, то целью любого исследования моральной нормативности является знакомство с самой идеей нормативности, изучение происхождения моральных норм, другими словами — *генезиса структур моральной нормативности*. Для этого необходимо ввести

¹ Термин «дискурс» по отношению к морали и моральному полю в тексте применяется намеренно. Далее обосновывается его применение с точки зрения аналитики моральных норм. По сути, моральная нормативность и есть моральный дискурс, только представленный в динамической форме.

² Например, противопоставление *сущего должному* или же *индивидуального общественному*.

в теоретическое поле и аналитически рассмотреть понятие (категорию) нормативности, специфику его применения в рамках морального дискурса, а также условия его реализации и контексты возникновения в этической сфере. Анализ концепта нормативности в его современном понимании в гуманитарном знании и социальных науках позволяет выделить отдельно его этическое измерение как специфическое поле формирования, обладающее особыми свойствами и требованиями, и, наконец, сформулировать ключевые интерпретации моральной нормативности и ее источников.

Реализация данного плана включает решение следующих теоретико-методологических задач:

1. Установление семантической полноты и адекватности определения моральной нормативности;
2. Формулирование конкретных условий, факторов и критериев генезиса моральной нормативности;
3. Рассмотрение различных подходов к моральной нормативности (в отечественной и зарубежной исследовательской традиции);
4. Описание источников моральной нормативности в соответствии с имеющейся философской традицией (рационализм, реализм, конвенционализм, конструктивизм, автономность субъекта и др.);
5. Критический анализ имеющихся способов описания моральной нормативности и ее источников;
6. Исследование смежных с этикой областей, включающих родственные интерпретации нормативности: деонтология, право, политика и т. п.

Для российской гуманитарной науки идея нормативности до сих пор остается слабо развитым проблемным полем, относимым либо к области эпистемологии, либо к философии и теории права, в то время как зарубежные исследователи систематически применяют концепт нормативности в различных фундаментальных, междисциплинарных и прикладных исследованиях: от социологических реконструкций дискурса власти до анализа поведенческих стратегий демократических обществ. Таким образом, изучение моральной нормативности и формулирование ее модели существенным образом способно развить современную аналитику морального дискурса.

Моральная нормативность и идея дискурса

Теоретической предпосылкой данной исследовательской работы является следующий тезис: мораль (как объект исследования), с

одной стороны, как социальный и исторический феномен очевидным образом не может быть редуцирована к некоей абстрактной модели (паттерну) поведения людей в сообществе или обществе в целом. Интерпретация моральных норм, ценностей и т. п. требует контекстуальности и в определенном положительном смысле историзма (не историцизма)¹. С другой стороны, мораль явно предстает в качестве специфической системы регуляции — вневременной и достаточно стабильной, и самое главное — действенной с точки зрения согласованности действия всех ее элементов (действий людей), а также единства результата: неформального упорядочивания социальных связей.

Таким образом, говоря о морали как об аналитическом целом методологически справедливо будет определять ее как *моральный дискурс*, то есть специфическую систему поведенческих норм и реакций, семантически связанных со всеми теми категориями, которые традиционно относятся к сфере морали или этики: ценности, благо, запреты, императивы, идеалы и т. п. Другими словами, моральный дискурс является своего рода типом поведения и мышления, который строится на особом же типе нормативности.

Термин *дискурс* в данном контексте наиболее близок к трактовке М. Фуко, в рамках теории которого дискурс представляет собой нечто всеобъемлющее в плане общества, отношений, норм, языка и действий его членов. У Фуко дискурс предстает в качестве базового порядка смыслов, который воплощается в конкретных действиях людей. Дискурс, следовательно, выступает одновременно и как организующий и как связующий момент, задающий единый горизонт понимания общественной/коллективной и личной/единичной реальности субъекта. В этом смысле дискурс у Фуко это всегда некоторое знание субъекта, а существующее знание — всегда дискурс. Понимание дискурса у Ж. Лакана подводит ближе всего к концепции дискурса как знания: «Дискурс представляет собой необходимую структуру, которая выходит далеко за пределы речи, носящей в отличие от него характер более или менее случайный, ситуативный...» И далее: «Дискурс сохраняется в определенном рода базовых отношениях. Эти последние, строго говоря, невозможно без языка поддерживать. Посредством языка как орудия устанавливается некоторое число постоянных связей, внутри которых может, разумеется, оказаться вписанным нечто такое, что в границы фактических актов высказывания не умеща-

¹ См.: Поппер К. Ницета историзма. М., 1993.

ется. Чтобы наше поведение, наши поступки оказались вписаны в рамки определенных изначальных содержаний, никакой нужды в этих актах нет. Дискурс — это одна из структур, характеризующих то, что <...> происходит в силу основополагающих отношений, описанных мною как отношение одного означаемого к другому»¹.

Субъект, который оказывается «включенным в дискурс» в качестве его носителя или агента — в то же время усиливает его своим присутствием и действием в соответствии с некоторой системой означаемых, являющихся в форме знания. В данном случае неважно, какого рода это знание: для субъекта оно может присутствовать как явное или скрытое, легитимированное имеющимися формами рациональности или наоборот отрицаемое. Принципиально только то, что субъект определяет себя и выводит свое действие исходя из знания, из игры означаемых и означающих, которые и предстают в виде дискурса. Тотальный характер дискурса как измерения прагматики действий субъекта, однако, не исключает множественность дискурсов, в которые включен субъект. Моральный дискурс или, применяя терминологию Фуко, *дискурс морали* является одним из многих «языков» субъекта, но таким, который универсальным образом обладает способностью к «переводу» из других дискурсов². Поэтому ключевым моментом для прояснения сущности морального дискурса должно стать в буквальном смысле структуралистское толкование «языка» этого дискурса и его дискурсивных оснований.

Другими словами, моральный дискурс является своего рода типом поведения и мышления субъекта, который строится на особом типе *нормативности*, выступающей, условно говоря, своеобразной матрицей моральных смыслов и действий. Почему же именно нормативность обнаруживается в роли содержания морального дискурса и оказывается ключевым и краеугольным элементом его структуры? Ответом на этот закономерный вопрос может служить констатация того факта, что мораль раскрывается по отношению к субъекту в качестве достаточно жесткой дисциплинарной системы, как в поле моральных императивов и обязательств, так и в поле ценностных структур и идеалов: субъект обязан, должен и т. п. действовать *так*, а не иначе; субъект обладает всей полнотой *необходимых* ориентиров и т. д.

¹ Лакан Ж. Изнанка психоанализа. М., 2008. С. 9.

² Например, дискурс сексуальности, согласно Фуко, будучи автономным событием в истории тем не менее инкорпорируется в дискурс морали и использует его системы означающих и означаемых.

В таком случае, вопрос о природе морали, а точнее особенностях и источниках ее действия в человеческом сообществе, трансформируется в принципе в вопрос о природе и источниках моральных норм, и родственных им структур. Определяя технически мораль как дискурс, в котором реализуется конкретный тип поведения людей, строящийся на конкретных правилах (нормах), необходимо прояснить смысл данных правил — норм — с точки зрения а) механизма их осуществления; б) адаптации к моральному содержанию.

Традиционные интерпретации морального дискурса

В классической философской традиции (от Аристотеля и далее к Гоббсу и Канту) моральная нормативность анализировалась в совокупности как система принуждения-мотивации к моральному, и относительно к проблеме нормативности вообще, в то время как новоевропейская философия (в частности, лингвистические и социологические школы XX в.) особенно стремилась заняться в отдельности содержанием морали — так называемыми «моральными суждениями» (например, Дж. Айер) и нормативностью в качестве социального феномена (скажем, П. Бурдьё). Однако едва ли мораль рассматривалась в рамках методологии, предложенной М. Фуко, — как единство содержательных коннотаций вместе с механизмом их актуализации за счет принуждения, а именно норм, — то есть как сложившаяся схема действия индивидов, упорядочивающая и реализующая привычки поведения в рамках конкретного типа дисциплинарности. Исследование нормативности велось с различных точек зрения и зачастую объединялось (или отождествлялось) с рассмотрением нормативности моральной. В целом существует множество способов анализа и каталогизации нормативности, которые строятся на разнообразных философских основаниях, однако существенным остается вопрос о связи нормативности и морали с точки зрения действия первой в качестве механизма второй.

Существующие традиционные способы аналитики морали оказываются ограниченными в силу того, что они изначально обращены к той сфере, которая и составляет мораль в классическом понимании, но на самом деле оказывается внешней по отношению к последней и к работе всего морального дискурса. К примеру, наиболее распространенный подход к исследованию морали (и ее

нормативности в том числе) — представление морали через проблематику «сущего и должного». Сфера этического трактовалась преимущественно сквозь категорию должного, в которое было введено ценностно-нормативное измерение. Исходя из онтологического понимания должного как идеального конструкта, трансцендентного жизненному миру сущего, и решалась проблема моральной нормативности. Транскрипция должного в сущее осуществляется известным инструментарием, это и концепт пользы, и удовольствия, и добродетели и долга.

Второй не менее известный подход — раскрытие идеи моральной нормативности через дилемму автономности и гетерономности морального сознания, субъекта, что в дальнейшем получило формулировку дилеммы «общественного и индивидуального». В рамках этого подхода мораль и моральность суть социальное качество, источник которого требуется однозначно установить в условиях биполярного феномена человека, трактуемого и как уникальный индивид и как существо коллективное (общественное). В рамках данной концепции моральная нормативность предстает набором индивидуальных и общественных интуиций в связи с теми или иными ценностями, смыслами и представлениями о пользе. Моральный дискурс становится неоднородной, разноуровневой структурой, которая существует в виде снятия конфликта общественного и индивидуального, — своего рода система сдержек и противовесов в обществе. Очевидно, что оба подхода при всей их практической эффективности в исследовании феномена морали неудовлетворительно отвечают на вопрос об источнике морали, т. е. об инстанции моральной нормативности, — о таком ее свойстве, которое по сути и определяет мораль как таковую. Возможно, это происходит по причине того, что сам вопрос в них ставится некорректно по отношению к предмету изучения, а именно — морали, что связано в свою очередь с ограниченным пониманием морали в качестве социального феномена.

Подходы к изучению моральной нормативности

Исследование, заинтересованное в прояснении сути морали, обязано своим объектом избрать не столько имеющиеся инстанции морали, сколько условия и способы формирования морали (мо-

рального дискурса), а следовательно, и моральной нормативности. При данной постановке проблемы требуется «концептуализация» не самой морали, но форм осуществления морального дискурса (не его репрезентации) — моральной нормативности.

В перспективе исследования представляется возможным выделить базовые условия разворачивания моральной нормативности: во-первых, таким условием выступают коммуникативные процедуры (коммуникация), которые можно принять за поле формирования моральных суждений. Коммуникация выступает возможностью признания и одновременно репрезентации Другого, что вводит в моральный дискурс идею множественности моральных субъектов. Во-вторых, это собственно дискурсивность как способность морали интегрироваться в структуру субъекта, его когнитивный и смысловой горизонты. Идея Другого для сознания является принципиальной в том смысле, что несет иную, чем прежде, логику действия и поведения в силу появления новой логики жизненного мира. Репрезентация реальности субъекту, как, впрочем, и субъекта самому себе, организуется в соответствии с интерпретацией социального мира как множественности автономных моральных инстанций, что в свою очередь создает герметичную синтетическую систему коллективного действия, чем и оказывается мораль. Наконец, последняя, предполагаемая ключевая характеристика (условие) разворачивания морального дискурса — это его плюральность и контекстуальность моральных норм.

Моральный дискурс, с этой точки зрения, реализуется как одновременная кантоминация разнородных ситуаций, перспектив и ретроспектив действий, тем самым демонстрируя колоссальную емкость в поглощении и ассимиляции взаимодействий Других друг с другом. Контекстуальность позволяет эффективно перестраивать схемы интерпретации и соответственно интеграции всякого действия в общий моральный горизонт.

Моральный дискурс не обладает заданной внешней нормативностью, но сам ее производит, включая в себя новые формы и форматы действия. Вышеперечисленные условия и обстоятельства разворачивания морального дискурса, очевидно, результируют в итоге в феномен моральной нормативности, который по отношению к ним выступает предметной фактичностью действия субъекта и социальной нормы, которые мы вынуждены констатировать, говоря о

морали. То есть в рамках текущего рассуждения можно констатировать, что редукция сферы моральной нормативности к своим фундаментальным условиям не является конечной и действительно требует дальнейшего уточнения.

Проблема моральной нормативности представлена по преимуществу в зарубежной исследовательской литературе, в то время как отечественная этическая школа только открывает для себя эту проблематику. В рамках исследований моральной нормативности можно выделить несколько направлений в мировой науке:

1. *Общетеоретические исследования.* Общие вопросы моральной нормативности рассматриваются Шелли Каган (Kagan, Shelly. *Normative Ethics*. Westview Press, 1998), ее исследование представляет собой введение в проблему моральной нормативности и предлагает философское, правовое и этическое обозрение идеи нормы и нормативности в современной гуманитарной мысли. В статьях рассматриваются основные факторы моральной нормативности и условия ее реализации.

2. *Анализ источников моральной нормативности и базовых подходов.* Ключевые концепции моральной нормативности представлены у Кристин Корсгаард (Korsgaard, Christine. *The Sources of Normativity*. Cambridge University Press, 1992). Исследование раскрывает основные подходы к моральной нормативности: рационализму, конструктивизму, волюнтаризму, реализму и моральной автономности. В работе содержится критика всех базовых вариантов нормативности в этике с точки зрения идей Канта и его современных последователей.

3. *Изучение моральной нормативности сквозь призму рационалистической теории.* Дэвид Готье (Gauthier, David. *Morals by Agreement*. Clarendon Press. Oxford, 1986) разрабатывает концепцию рациональной моральной нормативности, которая подразумевает использование моральным субъектом в своих действиях и их оценке критерия ценности и полезности. Основой моральной нормативности оказывается разумная кооперация свободных индивидов, реализующих единые принципы. Автор развивает идеи Дж. Ролза.

4. *Коммуникативные основания моральной нормативности.* Логи Гуннарссон (Gunnarsson, Logi. *Making Moral Sense*. Cambridge University Press, 2007) посвятила ряд работ критике концепции рациональных оснований моральной нормативности Д. Готье (David

Gauthier), взамен которой выдвигается усовершенствованная последователями Ю. Хабермаса идея коммуникативной нормативности, основывающаяся на принципах формальной рациональности, коммуникативного действия, субстанционального обоснования моральных суждений.

5. Материалистическое видение морали и моральных норм. Марк Хаузер (Hauser, Marc D. *Moral Minds*. Harper Collins, 2007), в свою очередь, стоит на позиции укорененности способности субъекта к моральному суждению в его природе, точнее объективном устройстве человеческого сознания и принципах его работы, тем самым поддерживая реализм моральной нормативности.

6. Моральный конструктивизм. Ряд других исследований — например, коллективная монография *Contemporary Ethics* (Ed. by James P. Sterba. Prentice Hall, 1989) — посвящены различным аспектам моральной нормативности, в том числе моральному конструктивизму как альтернативному источнику моральной нормативности. Исследование *Oxford Studies in Metaethics* (Ed. by Russ Shafer-Landau. Oxford University Press, 2009) объединяет сторонников конструктивистского подхода к моральному дискурсу, в соответствии с которым этика норм возникает в рамках имеющихся когнитивных, социальных и психологических особенностей поведения индивида. Основанием морали и моральной нормативности оказывается сложная система уже работающих фактических социальных интеракций, фиксирующихся в виде моральных суждений.

Перспективы данного исследования подразумевают, что выяснение логики действия моральной нормы не означает прояснения принципов ее инкорпорированности в мораль. И с обратной стороны, определение моральной специфики не гарантирует реконструкцию действия моральной нормативности. Очевидно, что нормативность морального дискурса должна определяться не в терминологии исключительно морали или аналитики нормы, а при помощи иных средств — то есть более детального установления происхождения моральных норм.